

Александр Чехов - таможенник

А. В. Смирнов

Таганрог известен во всем мире, как родина великого писателя-гуманиста Антона Павловича Чехова. В память о своем великом земляке создан Литературный, историко-архитектурный музей-заповедник. Его имя носят: улица, школа, драматический театр, городская библиотека. Много памятных мест в городе связано и со всей семьей Чеховых. «Домик Чехова» - маленький домик, где в январе 1860 года в семье купца 2-й гильдии Павла Егоровича Чехова и его жены Евгении Яковлевны родился третий сын - Антон. «Лавка Чеховых» - двухэтажный дом со старым рекламным щитом: «Чай, сахар, кофе и другие колониальные товары», где на первом этаже, за прилавком, частенько стояли Антон и его старшие братья, подменяя отца. «Гимназия Чехова» старейшее учебное заведение на юге России, в стенах которого учились братья Чеховы (сестра Антона - Мария училась в женской гимназии). В Таганроге Чеховы учились, торговали в лавке и... один из Чеховых «служил на таможне».

Справка:

Александр Павлович Чехов (1855-1913) - прозаик, публицист, мемуарист. Старший брат Антона Павловича Чехова. В 1882-1886 годы служил в Таганрогской, Санкт-Петербургской и Новороссийской таможнях. С 1886 года - профессиональный газетчик и беллетрист, штатный сотрудник газеты «Новое время». Печатался так же в «Петербургской газете», «Осколках», «Историческом вестнике», «Кавказе», «Смоленском вестнике» и в целом ряде других журналов и газет. Писал под псевдонимами Агафопод Единицын, Алоэ, Гусев, Пан Халявский, с 1886 г. - А. Седой. Автор множества репортерских заметок, очерков, публицистических и научно-популярных статей невероятно широкого тематического диапазона: от пожарного дела и фотографии до вопросов лечения алкоголизма и призрения душевнобольных. Как писатель сложился в 80-х гг. XIX века. Излюбленный жанр - рассказ или маленькая повесть, основной герой которых - мелкий чиновник или служащий, погруженный в бытовые заботы.

Детство и годы учебы в гимназии. Александр Павлович Чехов родился 10 августа 1855 года в слободе Крепкая под Таганрогом. Он стал первым ребенком в семье Чеховых. В то время шла Крымская война, и Таганрог, расположенный глубоко в тылу, подвергся атакам англо-французской эскадры, прорвавшейся в Азовское море. Многие жители, в основном женщины и дети, покинули город, перебравшись в прилегающие к нему села и слободки. В их числе оказалась, находящаяся в положении, молодая жена приказчика одной из торговых лавок города - Евгения Яковлевна Чехова. Первенец семьи - Александр родился под грохот канонады, когда неприятельская эскадра расстреливала из своих корабельных орудий, отказавшийся сдать Таганрог. Стойкость защитников - местных ополченцев и казаков не позволила противнику овладеть городом, и англо-французская эскадра, не добившись результатов, ушла в Черное море. Уже с младенцем на руках Евгения Яковлевна вернулась в непокоренный Таганрог.

Саша с детства проявлял хорошие умственные способности и стремление к учебе. Восторгаясь первенцем, родители связывали с ним большие надежды. В семь лет его отдали в греческую школу, где он проучился четыре года и которую ярко описал в своих воспоминаниях. Греческая школа, по мнению Павла Егоровича, могла открыть перед его сыновьями возможность работы в крупных торговых конторах, принадлежавших грекам. Но особого толка не вышло. По настоянию деда, Егора Михайловича, мальчика определили в гимназию: ее окончание давало право поступления в любой университет Российской империи без экзаменов. В 1866 год, одиннадцати лет от роду, Александр стал учеником пригготовительного класса. Вполне естественно, что к этому времени мальчик умел читать, считать и, старания-

ми отца, имел хороший почерк. Павел Егорович заставлял своих детей ежедневно работать с прописями. После обеда он сажал их за стол, а вечером проверял выполненное задание. Текст размером в четыре страницы мог содержать следующую мысль: «Бога бойся, повинуйся царю».

Первые годы учебы молодой Саша Чехов с трудом привыкал к порядкам, заведенным в гимназии. Но в дальнейшем гимназическая жизнь стала постепенно налаживаться. В ней появились новые интересы и увлечения. Так, например, в четвертом классе Александру нравилось, как протоиерей Покровский читал гимназистам, после уроков, Евангелие на греческом и латинском языках. Обладая хорошей памятью, гимназист Чехов легко усваивал языки. Даже такой трудный, как греческий.

Помимо гимназии была отцовская лавка. Много лет спустя Александр Павлович вспоминал: «В нашей семье господствовал взгляд, что ученье - ученьем, гимназия - гимназией, а дети все-таки должны помогать отцу. Возражения не допускалось». Помогать Александр помогал, но особого рвения при этом не проявлял. «Я сижу за прилавком и лениво и устало слежу за торговлей. Сегодня повторяется то же самое, что было и вчера. Отставной солдат Мироныч купил на ужин большую селедку-астраханку; девочка от Дракопуло взяла пару сальных свечей и кусок мыла, потому что у них завтра стирка; от учителя музыки прислали за фунтом стеариновых свечей и попросили записать в долг; старый еврей Шапирка пришел выпить свой обычный стаканчик сантуринского; таможенный чиновник купил две колоды карт... Все это старо, скучно и давно уже надоело...».

Выручало чтение. Александр Чехов любил книги и в 13-14 лет «...бойко болтал по-французски, по-немецки и по-гречески. Давно прочел Гоголя и Тургенева и, кроме того, брал у офень (уличные торговцы - А.С.) напрокат читать разную расхожую литературу...». Любил естественную историю, которую читал «старик Цабель». Примеры, приводимые учителем географии Лосевым, были такими впечатляющими, что Александр Павлович, годы спустя, удивлял юных таганрогских двоюродных братьев и сестер, потом собственных сыновей, а затем племянников красочными описаниями.

Интересно отметить, что, будучи гимназистом, Александр, был влюблен в Соню Никитенко - дочку... управляющего Таганрогской таможней.

По-разному у Александра складывались отношения с братьями. Но самые дружественные отношения сложились именно с Антоном. Из-за характера братьев разница в пять лет быстро сгладилась. Насмешливый, ершистый Александр, хотел казаться старше своих лет и попадал в неловкое, порой нелепое положение. Спокойный, наблюдательный Антон, видимо, угадывая подоплеку поведения брата и прощал вздор, благоглупости, отроческое позерство, потому что чувствовал его отходчивость и самоиронию.

Он многое и о многом узнал именно благодаря Александру. Например, театральные восторги. Театр был в жизни таганрогских гимназистов притягательным местом. «Посещая театр, мы за какие-нибудь три-четыре года развились, поумнели и почерпнули познаний больше, чем за все девять или десять лет пребывания в гимназии. Вот почему мы так горячо любили театр». Гимназисты могли посещать театр лишь с позволения классного наставника. Посещение могли запретить по разным причинам. Например, в пятом классе Александру запретили посещение театра из-за «двойки» по алгебре, в другой раз - заметив его с папиросой. Билет стоил четвертак (25 копеек серебром), но можно было договориться с контролером за меньшую сумму. Учеником старших классов, Александр однажды выступил на сцене, заменив известного комика. Публика, которую о замене не предупредили, тем не менее, отнеслась благосклонно к рослому гимназисту. Расходясь из театра, зрители говорили: «Здорово, шельма, под Востокова подделался. Из него хороший жулик выйти может...»

Желание выйти из под власти отца и стать самостоятельным появилось у Александра еще в годы учебы в гимназии. В 1873 году директор Таганрогской гимназии Э.Р. Рейтлингер пригласил способного ученика седьмого класса репетитором к своим детям. Навыки репетиторства у него уже были. Двумя годами ранее он готовил по основным предметам гимназиста-первоклассника, из семьи, квартировавшей у Чеховых. Столовался репетитор в семье ди-

ректора, поэтому они часто беседовали на разные темы.

В 1875 году, сдав экзамены, он получил серебряную медаль и был занесен на «золотую доску». В аттестате зрелости было отмечено, что особенно отличался в «древних языках». Окрыленный высокой оценкой своих знаний, Александр собирался уехать в Германию, чтобы учиться в Гейдельбергском университете. Но для учебы, все же, был выбран Московский университет. Родители переживали, что в Германии сын может пропасть, а в Москве есть родня. К тому же нужно было присмотреть за Николаем, который оставлял гимназию и ехал поступать в Училище живописи, ваяния и зодчества. Александр не уезжал, а скорее бежал из города, о котором говорил: «Проклятый на семи соборах».

Московский университет. Приехав в Москву в свой день рождения, Александр уже 13 августа подает документы на математическое отделение физико-математического факультета Московского университета. Но даже с серебряной медалью необходимо было платить за учебу. Плата за полгода - 50 рублей. Отец обещал сыновьям денежную помощь, но велел сразу же искать учеников и не рассчитывать на него, ибо «торговля пошатнулась», а кредиторы грозились опротестовать векселя. Поначалу месячный расход складывался так: квартира - 5 рублей; стол, то есть питание, - 7 рублей; хлеб к чаю - 1 рубль 50 копеек; стирка - 1 рубль. Итого около 15 рублей. Да еще непредвиденные траты копеек на 50. Но вскоре укладываться в такую сумму стало трудно. Александр в письмах спрашивал отца, нельзя ли получить в мешанской управе свидетельство о бедности, чтобы не платить за обучение в университете.

Таганрогский опыт репетиторства помог Александру. В частном пансионе Бруккера, где он преподавал арифметику, алгебру, географию и французский язык ему с братом предоставили бесплатное жилье и питание.

Поступив в университет, Александр видит себя в будущем магистром, потом доктором математических наук в области чистой и прикладной математики с чином ординарного профессора. Он мечтает открыть новый закон, стать молодым профессором и благодаря своему положению повлиять на благосостояние семьи, которую непременно перевезет в Москву из «богопротивного» Таганрога.

Но этим мечтам не суждено сбыться. Увлечение математикой резко сошло на нет. Ночи над расчетами, разговоры о докторской степени и профессорском звании растаяли. Остались рано испорченное зрение, очки и недоумение, куда все делось. В апреле 1876 года в Москву приезжает отец, бежав от таганрогских кредиторов, а затем переезжает мать с младшими детьми. Приезд родных и вынужденное воссоединение с семьей резко повлияли на Александра. Он подает прошение об оставлении на первом курсе.

В это время Александр зарабатывает чем может: делает чертежи, математические расчеты, переписывает лекции. Почувствовав свободу и не желая жить с семьей, Александр снимает отдельное жилье. При этом он помогает семье, отдавая ежемесячно зимой 1877 года по 5 рублей и еще займы без возврата столько же. «Жить вместе с ними - каторга. Вечно ругаются, вечно плачут и чего хотят - сами не знают».

Найдя способ заработать деньги, Александр начинает кутить, неделями прогуливая лекции. Заканчивается это весьма печально. За невзнос платы и несданные экзамены летом 1877 года над ним нависает угроза отчисления из университета. В это время идет призыв в армию, связанный с русско-турецкой войной. Чтобы избежать призыва, Александр переводится на первый курс естественного отделения того же университета.

В поисках новых заработков Александр начинает писать небольшие рассказы для ряда московских журналов, В его письмах к Антону в Таганрог студенческая жизнь вытесняется рассказами о Москве, о новых приятелях. Посоветовав Антону «все брать на заметку», вскоре получает от него подробно описанные таганрогские новости, рассказы о семейных делах и общих знакомых. Именно Александр ввел Антона в мир литературы. Собрав несколько наиболее удачных зарисовок и миниатюр, Антон посылает их Александру с надеждой, что тот поместит их в одном из московских журналов. И 23 ноября 1877 года получает ответ: «Анекдоты твои пойдут. Сегодня я отправлю в «Будильник» по почте две твои остроты: «Какой

пол преимущественно красится» и «Бог дал детей». Остальные слабы. Присылай поболее коротеньких и острых. Длинные бесцветны».

Присланные Антоном ранние пьесы «Безотцовщина» и «Нашла коса на камень», Александр, по его словам, давал читать «людям со вкусом» и присоединился к ним во мнении, что в молодом авторе чувствуется талант, но нет житейского опыта, наблюдательности и посему советовал: «Познакомься поближе с литературой, иззубри Лермонтова и немецких писателей... и тогда твори».

Сотрудничая с различными московскими журналами Александр, знакомится с Анной Хрущевой-Сокольниковой, которая работала секретарем в журнале «Зритель» (с этим журналом кроме Александра сотрудничали Николай и Антон Чеховы). Вскоре Анна Ивановна становится его гражданской женой.

Почему гражданский брак? На то были очень веские причины. До 1877 года Анна Ивановна числилась женой коллежского секретаря Г.А. Хрущева-Сокольникова, в браке с которым имела двух детей, дочь и сына. Еще в 1874 году муж выдал ей свидетельство для свободного проживания во всех городах России, что говорит о разрыве их отношений. В 1877 году церковь дала развод. Но какой. Решением тульской епархии их брак «за нарушение супружеской верности» женой, а так же за «прижитие в отсутствие мужа ее дочери Елены» расторгнут. При этом «...произошедшая от прелюбодеяния дочь Анны Сокольниковой Елена в метрической статье,, означена незаконною». Признанная неверной, разведенная жена «осуждена... на всегдашнее безбрачие и назначением ей срока церковного покаяния... сроком на семь лет под надзором духовника». Находящиеся в разводе муж и же на Сокольниковы входили в московский литературный мир, и Чеховы знали их обоих. Игра в благородство закончилась для Александра нелепым союзом. Попытка сделать счастливой «осужденную на безбрачие» женщину привела к тому, что несчастными стали уже два человека. Нелепость проявлялась даже в разнице в возрасте. Александр был моложе жены на восемь лет.

Гражданский брак имел еще одни последствия. В 1882 году Александр Чехов - студент естественного отделения Императорского Московского университета, проучившись четыре года, закончил свое обучение «не держав экзамен на звание кандидата». Звание «кандидата» давало право на 10-й чин и преподавание в гимназиях. Поспешное завершение обучения привело к тому, что Советом университета он был утвержден всего лишь в звании действительного студента с правом на 12-й чин, губернского секретаря.

Нужно было содержать семью и Александр решает вернуться в родной город. 25 июля 1882 года Александр Чехов с гражданской женой и ее сыном выезжают из Москвы в Таганрог.

Возвращение в Таганрог, Приехав рано утром в Таганрог, «...мы под проливным дождем проехали с вокзала в Европ. Гостиницу». Разместив семью Александр сразу же отправился в лавку церковного старосты и своего дяди Митрофана Егоровича. Своим неожиданным появлением ему хотелось доставить радость. «Идя туда я возымел недостойнейшую мысль явиться к святому мужу в качестве простого покупателя и уже под конец покупки сделать приступ к «сближе-е-е-нию». Но

Я козни мерзки воздвизал,

Но рок их скоро растерзал.

Едва я вошел в святилище господина и торговли и едва за ящиками (пустые - упадут, не убьют!) раздались шаги, как до моего слуха долетело наиродсвеннейшее: «Душенька! Сашечка! Мой план и козни естественно - в дребезги. Дяденька прослезился настолько, что даже умилился меня».

Уже к вечеру сняли квартиру у бывших соседей (семейство Агали). «Их дела теперь так плохи, что те ничтожные деньги, которые я внес, составляют для них довольно ощутительное подспорье. Мы занимаем две комнаты, выходящие на улицу».

В Таганроге Александра встретили с любопытством. Внебрачная связь, разведенная женщина все это очень будоражило провинциальную публику. Если семейство дяди Митрофана Егоровича с радостью встретило Александра то другие родственники и знакомые с

настороженностью. Причиной тому стало прошлогоднее событие. В 1881 году братья Чеховы - Антон и Николай приезжали в Таганрог и были шаферами на свадьбе своего дальнего родственника Онуфрия Лободы. Богатое семейство Лободы на свадьбу пригласило много купцов, таможенных и других чиновников, учителей гимназии, священников. Вскоре после этого в журнале «Зритель» появилась юмореска «Свадебный сезон», с карикатурой Николая и текстом Антона Чеховых. Таганрогские родственники и знакомые узнали себя в юмореске и очень обиделись. Приехавшему Александру пришлось выслушивать возмущения и сглаживать обиды. В своем письме он предупреждает братьев: «...Кстати: если вам обоим дороги ваши бока, то не советую ездить вам в Таганрог. Лободины, Селиванов, сродники и южики - все сплошь серьезно обозлены на вас за «Свадьбу» в «Зрителе». Здесь на эту карикатуру смотрят, как на выражение чернейшей неблагодарности за гостеприимство». Так или иначе, но Антон Павлович в следующий раз приедет в Таганрог только в 1887 году.

Повзрослевшему Александру бросается в глаза контраст между столичной жизнью и провинциальной. «Увы, братцы мои...» - пишет он в Москву - «Когда-то громадный Таганрог оказался микроскопической улиткой. Даже дом Алфераки напоминает собою приземистого скнипа. Расстояний не существует. С собора, точно через канаву можно перешагнуть на каланчу, оттуда на кладбище - и город весь за тобою. А прежде-то! От Силла Маринчинки до синагоги было далеко».

Кроме дяди приезде Александра была очень рада их бывшая няня. Ребенком слушал он ее нехитрые сказки, будучи гимназистом, доверял свои тайны и делился переживаниями. Именно к ней он направился после визита к дяде. «В день приезда... - пишет в письме Александр - ...прошел к няне Александровне и от имени сестры дал ей немного презренного металла.[...] Из нашей няни, благодаря времени, получилась крохотная, сгорбленная старушонка с предоброй рожницей и свистом в беззубом рту. Поклонов она вам посылает массу и твердо убеждена в том, что каждый из вас по крайней мере министр или квартальный надзиратель. Меня она приняла за попа благодаря моему балахону-пальто».

Устроиться в гимназию, как он рассчитывал еще в Москве, Александр не смог. Сказались незавершенное образование и неопределенное семейное положение. Попытка устроиться в Окружной суд так же не удалась. Оставалась одна надежда: имея университетское образование, устроиться в местную таможенную.

В ожидании решения своего вопроса Александр ходит по городу, ловит рыбу в гавани и пишет письма Антону. Благодаря этим письмам мы можем представить быт горожан того времени. Вот как Александр описывает обед, приготовленный «Миличкой» - женой своего любимого дяди. «С южным обедом вы достаточно знакомы, но тем не менее я едва ли удержусь сытным нутром от перечисления наших блюд. Мы ели:

1) Суп с рисом. 2) Судак или сула жареная плюс те бычки и селедки, которые были изловлены вчера. 3) Раки морские величиною с [...] любого благотворительного общества, 4) кукуруза, 5) говядина с картофелем, 6) превкусный некий соус из кабачков с раковыми шейками». Тут же поражает «московского» брата дешевизной продуктов: «...И вся эта шестистопная музыка была изготовлена... из той провизии, которую я купил на базаре за 60 к. Остатков от обеда хватило бы на целый тюремный замок г. Таганрога, куда, как значитесь в отчете братства, в праздник Св. Пасхи было отвезено по лимону и по апельсину на арестанта, «а так же были розданы хлебы добросердечия». (Я в очередь пошлю в тюрьму когда-нибудь вместо хлебов добросердечия - гробы похотения, хлебы преломления, венцы растления и прочие похотения, с тем однако, чтобы это было пропечатано в отчете). Мясо в сем граде, идеже арестантам апельсины раздают, стоит 10 коп. фунт, кабачки, синие и прочая ерунда - гроши». «Жить можно», - завершает свое повествование старший брат.

Служба в Таганрогской таможне. Два месяца неопределенности пролетели, и Александр наконец-то «получил место на таможне». В своем письме брату Ивану от 8 октября он пишет: «Дружище Иван! Я самый настоящий чиновник Таганрогской таможни. Получаю жалованье, чины, ордена и получу пенсию, если доживу до 100 лет». Далее сообщает: «Встаю рано, с должности прихожу поздно и имею массу свободного времени. Водки теперь

не пью, в карты не играю, газет и журналов не получаю, а потому всячески стараюсь убить как-нибудь свободное время». «Убить время» Александр собирался каким-нибудь делом, способным принести дополнительный доход. «Помышляю заняться переплетничеством, но инструментов не имею, а потому буде возможно, прошу тебя, перешли мои инструменты [...] ко мне в Таганрог прямым сообщением».

К тому времени новоиспеченный таможенник с женой уже переехали в дом Турчанинова на улице Конторской (ныне ул. Розы Люксембург), позволив себе более просторную квартиру из четырех комнат.

Антон Павлович Чехов, в своих письмах, не преминул пошутить над новым местом службы брата. «Таможенный брат мой Александр!» - обращается он в начале письма от 8 ноября, далее называет Таганрогскую таможню «Ганроцкой», и в завершении просит: «Поймай мне маленького контрабандистика и пришли».

В письме от 12 ноября, упомянув фамилии таможенных чиновников, проходящих по делу о контрабанде, Антон Павлович с юмором укоряет: «Соделавшись Айканово-Ходаковским ты не стал рассудительным».

В другом письме от 25 декабря дает Александру звание - «Уловляющий контрабандистов-человеков-вселенную, таможенный брат мой, краснейший из людей, Александр Павлыч!».

Александр отвечал в Москву интереснейшими описаниями своей службы в таможне. В своем письме от 23 ноября 1882 года Александр Павлович рассказывает о событии, отмечаемом местными таможенниками и купцами:

«Брате Антоне! ...опишу тебе два торжества, коих я имел честь быть свидетелем. Одно из сих торжеств - закрытие навигации в нашем порте. По порядку времени начинаю с первого. Накануне разнесся слух по таможне, что на завтра назначен праздник. Все начали намаывать себе это на ус: секретарь отложил несколько дел в сторону, привозной и отвозной стол также, бухгалтерия, к коей прикомандирован и аз - тем более. 23-го числа получена была эстафета на визитной карточке такого рода: «Дм. Вас. Мухин и его помощник покорнейше просят пожаловать на Новую Гавань на молебствие по случаю окончания навигации. Мухин». Мы, конечно, двинулись. Нужно тебе сказать, что пирушка эта затевалась и затеялась товарищами по службе, но не смотря на это в канцелярии сию же минуту затеялись вопросы о костюмах, черных парах и т.п. Никто не хотел итти в визитке (визитка - выходной однобортный костюм. - А.С.). Всех поразило то мое спокойствие, с которым я прямо объявил, что пойду на торжество в визитке. В обыкновенное время мы собрались в Таможню, до 12 часов просидели там без дела и затем после глупопровинциального препирательства двинулись на «пали» (пали - морские сваи у пристани. - А.С.) в самую глубь гавани по замерзлой слегка подернутой снегом дороге. Там нас ожидали две «каравии» (каравиа - корабли. - А.С.), пароход «Кострома» и наша таможенная брандвахта, т.е. судно, на коем чиновники таможни стерегли денно и ночью контрабанду. В обоих помещениях накрыты столы с водкой, винами и закусками. Некоторое время мы, придя на вышесказанные пловучие, затертые льдом помещения, подождали попа. Но он потом явился в виде о. Даниила Ручкина (кланяйся маменьке!), косоглазого Дявола, худосочного дьячка и протчаго и стал петь молебен. Надо сказать, что молебен был не без трогательности. Вообрази такую картину: безбрежное море, льды без конца, яркое солнце, небольшой мороз, палуба парохода, погасившего свои пары, мундирные, зябнущие лица, матросы, лысый еле козлогласующий поп, дым кадила, струею поднимающийся в морозном воздухе над ледяным полем моря... Вообрази это и ты получишь нечто вроде того, что смахивает на заутреню на корабле капитана Гаттераса (капитан Гаттерас - герой романа Жюль-Верна «Путешествия и приключения капитана Гаттераса» - А.С.). Так по крайней мере подсказало мне мое воображение. Молебствие началось дребезжащим козлогласом о. Даниила и после оно было сцена достойная кисти лорда Гленарвона. Команда из 50 солдат выстроилась в ряд, и управляющий (наше высшее начальство) стал читать ей речь со словами «идея», мы вырвали «жорни злоупотребления», над нами «новые проблески», старые порядки «заглушены отпрысками» новых растений. После этой речи,

взывавшей к верной службе, раздался гул «Здравия желаем!», и все пошли пьянствовать в каюты.

Говорились речи. Говорил и я, чем вооружил против себя всю канцелярию, ибо говорил, что намерены - де мы все служить верою и правдою, а канцеляристы поняли это в смысле поддакивания начальству. Провокация!! Не мне их учить и не мне им покоряться. Удостоился рукопожатия начальства, коему значения не придаю, и выпив около 12 рюмок водки и стаканов шесть вина удалился к... дяде на именины».

Такому красочному описанию дал высокую оценку Антон Павлович Чехов: «За твое письмо, в котором ты описываешь молебен на палях (с гаттерасовскими льдами), будь я богом, простил бы я тебе все твои согрешения вольные и невольные, яже делом, словом...».

В конце декабря 1882 года Александр Чехов получает должность. В письме к отцу от 30 декабря он пишет: «Сегодня я утвержден в Петербурге Начальником Привозного стола и Переводчиком Таможни. Страдания мои окончились. Занимаю должность девятого класса». Получение должности стало для него радостным событием - «Теперь, когда это стало делом прошлым, сознаюсь, что я до этого утверждения сильно страдал от недостатка средств и душою и телом».

Постепенно, у Александра Чехова начинают складываться дружеские отношения с сослуживцами. В своем письме к родным от 17 декабря 1882 года он сообщает: «...на днях проездом в Питер будет в Москве мое прямое Начальство, Секретарь нашей таможни Антон Титыч Стыранкевич, прозванный всею таможнею «отец родной» за свою доброту и гуманность. Я ему дал ваш адресе. Если он побывает у вас, то порасскажет Вам обо мне и о Таганроге многое. Добр он как овца, тих, как голубь, незлобив, как голубь, мудр, как змей, и не прочь приятно провести с компанией время...». Далее в письме приводится пример одного из благоденствий Стыранкевича: «Спасибо вышереченному секретарю, который иногда из своего кармана дает нашей братии крохи жалования вперед, чем вовремя спасает от смерти».

Хорошие отношения сложились с бухгалтером и «выкладчиком» пошлин, коллежским секретарем Иваном Яковлевичем Троицким и переводчиком таможни Николаем Степановичем Уманским. В дальнейшем, уйдя с таможенной службы и профессионально занявшись журналистикой, Александр Павлович продолжал поддерживать дружеские отношения с коллегами из Таганрогской таможни. После Таганрога старший из братьев Чеховых служил в таможнях Санкт-Петербурга и Новороссийска, но дружбу поддерживал только с таганрогскими таможенниками.

24 февраля 1889 года Александр Чехов пишет Антону о коллеге по Таганрогской таможне: «Приехал в Питер из Таганрога мой старый сослуживец Уманский. Остановился в «Москве» и заболел. Сейчас еду к нему «посетить болящего» и дальнейшее писание откладываю».

В этом же году Александр сообщает о судьбе другого своего приятеля по Таганрогской таможне: «Троицкий, мой бывший сослуживец по таможне, умирает от чахотки. Ездил к нему в Ревель - шкилет».

А как же «отец родной» Антон Титыч Стыранкевич? «Таганрогский вестник» от 24 февраля 1893 года сообщал, что «21... февраля после тяжелой болезни скончался секретарь таможни А.Т. Стыранкевич. Антон Титович Стыранкевич... прослужил в должности секретаря таможни около тринадцати лет, будучи назначен еще в 1880 году. Выдающиеся умственные способности... спокойный ровный характер, несмотря на постоянную болезнь (...страдал инфиземой более 20 лет) и ...необыкновенная доброта снискали ему любовь и уважение сослуживцев... После смерти покойного не осталось никаких средств, и товарищи похоронили любимого ими «Тита» на свой счет».

Пройдут годы, и в 1912 году Александр Павлович Чехов в своем очерке «Таганрог пятьдесят лет тому назад. (Записки случайного туриста)» даст красочную картину таганрогского порта и таможни во второй половине XIX века.

«Полстолетия тому назад собственно порта в том смысле, в каком его понимают теперь, не было и в помине. Была старая Воронцовская набережная, которая тянулась от Ка-

менной лестницы вплоть до того места, где теперь, находятся пристани Русского общества и пароходства и торговли. У этих пристаней останавливались пароходы, казавшиеся тогда Голиафами, а от них, вдоль вертикальных и обглоданных волнами свай, устанавливались рядышком парусные суда, сравнительно небольшой вместимости. Но чего только не привозили в своих тесных трюмах эти невзрачные парусники? Тут были и бочки с винами и деревянным маслом (лампадное масло - А.С.), тут были и маслины, и орехи всех сортов и инжир, и рожки насыпью и в кулях. «Привозный» стол в таможне ломился от коносаментов на греческом и итальянском языках. «Экспедиторы» с утра до ночи работали вовсю. Таможенный чиновник, исполнявший должность переводчика, изнемогал от словесной и письменной служебной работы. По всей территории гавани тянулись нескончаемые вереницы нагруженных и пустых дрог. Гавань начинала жить с пяти часов утра, а к закату солнца таможенные досмотрщики ходили уже, высунувши языки от переутомления. Ряды каменных магазинов или, как их звали, «магазины» и «гама-зы», прекрасно сохранившиеся и до сих пор, стояли открытыми весь день и поглощали в себя и извергали из себя массы сантуринских и капрских вин, турецкого табаку в кипах, лимонов и апельсинов, громадные партии бочек с маслинами и деревянным маслом но не теперешней фальсификации, а такого, которое по вкусу не уступало прованскому и употреблялось в пищу. Иностранцы приходили из Турции, из Греческого архипелага и даже из Италии. Далекие расстояния и огромные морские переходы и штили несколько не пугали их. Отсюда они увозили с собой зерновой хлеб, сырые кожи и рыбью красную икру. Можно было пройти по берегу добрые четверть версты и все читать на кормах надписи: «Агиос Николаос», «Агиос Герасимос», «Софья», «Мевлуди-Багры», «Сан-Антонио», - и не одной русской. Густо была населена в те времена гавань, и какое веселое стояло в ней разноязычье! Чего только не слушаешься, каких языков и жаргонов.

За пристанями пароходов начинались и уходили в море молы, построенные из свай. Назывались они «палями» и охватывали от части то пространство, которое отвоено у моря теперешним портом.

Там, где раскинулся "новый" порт, полсотни лет тому назад был так называемый "Петровский ковш", почти сплошь занесенный песком и илом. ...В этом же ковше предавались сожжению и некоторые конфискованные таможнею товары. Местность была пустынная, безлюдная и в вечернее время далеко не безопасная. Тут же не далеко была отведена начальством и площадка, на которую "капитаны" прибывших парусных судов должны были выгружать балласт (савура), но они предпочитали выбрасывать его по ночам прямо в море и платить за это 25 рублей штрафа по приговору мирового судьи. Это "капитанам" обходилось много дешевле. Дела по балласту тогдашняя (и отчасти позднейшая) таможня направляла обыкновенно к мировому судье Арбушевскому и посылала на разбор своего представителя чиновника. Дела эти возбуждались столь часто, что при разбирательстве между судьей и чиновником возникал замечательный по своей краткости и понятности разговор.

- Без послабления? - спрашивал Арбушевский.

- Без, - лаконически отвечал чиновник.

И тотчас же, без проволочки постановлялось решение: «По указу и т.д., 25 рублей штрафа». Все стороны оказывались удовлетворительными. Виновный «капитан» тотчас же уплачивал и уходил с тем, чтобы в следующий день повторить опять ту же историю с высыпкой балласта в море. И скоро, и хорошо, и безобидно...».

Таганрогская складочная таможня в 80-х годах XIX века была самой крупной таможней Азовского таможенного округа. Основанная в 1776 году как «Главная портовая таможня на Азовском море» она, вот уже более ста лет, оберегала экономические интересы Российской империи.

Александра, чиновника 12-го класса, утвердили в должности начальника привозного стола и переводчика таможни, а это соответствовало 9-му классу и чину титулярного советника. Такое начало открывало перед ним хорошие перспективы «сделать карьеру». Однако таможенная служба не вдохновляла. Его московский литературный опыт искал лучшего применения.

Вначале, стремясь увеличить достаток, новоиспеченный чиновник принялся переводить рассказы и романы с немецкого и французского для журнала «Европейская библиотека». Тексты переводов отправлял брату в Москву. Обрато получал редкие гонорары и частую критику от Антона за неряшливость и торопливость переводов. В своем письме от 1 января 1883 года Антон Павлович советует брату: «Переводи мелочи. Мелочи можно переделывать на русскую жизнь, что отнимает у тебя столько же времени, сколько и перевод, а денег больше получишь». Будучи таможенником, Александр Павлович хочет заниматься литературой, но «брате Алтоне» отвечает ему: «По одному из последних указов, лица, находящиеся на государственной службе, не имеют права сотрудничать».

И тем не менее, судя по переписке двух братьев, видно, что Александр пишет рассказы, а московские журналы их печатают. Весной 1883 года Антон Павлович в письме к редактору популярного журнала «Осколки» Н.А. Лейкину рассказывает об особенностях литературного дарования Александра: «Юморист он неплохой. Это можно видеть из одного того, что в таганрогскую таможенню поступил, когда уже оттуда все повыкрали (имеется ввиду «Дело Вальяно» - А.С.). В октябрьском (1883 года) письме Антон Павлович Чехов сообщает брату в Таганрог, что был у него в гостях Н.А. Лейкин и: «Твои рассказы ему нравятся, и не печатаются они только по «недоумению» и незнанию твоему «Осколок». Вот слова Лейкина: «И как бы ловко он сумел почесать таможенню и как много у него материала, по нет! -пишет про какую-то китайщину «там-од-знюю», словно боится чего-то... Писал бы прямо «таможня», с русскими именами... Цензура не возбраняет».

Наряду с таможенными и литературными делами происходят изменения в семье. В феврале у Александра Павловича и Анны Ивановны родилась дочь Мария. В письмах к родственникам Александр шутливо называет ее Нося.

Уже 20 февраля 1883 года Антон Чехов поздравляет Александра и его жену с рождением дочери - «Первым делом поздравляю тебя и твою половину с благополучным разрешением и прибылью, а г. Таганрог со свеженькой гражданкой».

Рождение дочери привело к новым проблемам. В письме к сестре Марии Павловне Александр Чехов объясняет, почему к своему «немалому прискорбию» «не в силах» прислать ей к празднику денег. «Рождение дочурки и слабое состояние здоровья моей Анны, затем плата акушерке, крестины и прислуга - все это заставило меня войти в такие ужасные долги, что на уплату их уходит более половины моего скромного жалования. Другой же половины едва хватает на хлеб насущный и то не на каждый день в полном смысле этого слова».

Кроме материальных сложностей Александра ждало сильное разочарование при попытке крестить ребенка. Согласно церковному решению ребенок считался незаконнорожденным. Дядя, пообещав стать крестным отцом, под разными предлогами отказался от своего участия в крестинах. Описывая свои взаимоотношения с Митрофаном Егоровичем и его семьей, Александр подводит итог - «Полный разрыв».

Обосновавшись, Александр почти в каждом письме приглашает родственников приехать погостить в Таганрог. Так, в письме к брату Ивану он пишет: «На лето ждали тебя к себе. Воздухи у нас благорастворенные, а море - отдай все, да и то мало».

В конце июня в Таганрог приехала мать - Евгения Яковлевна. Принимали ее очень тепло. Невенчанную невесту она не жаловала и остановилась в доме Митрофана Егоровича. Визит в дом старшего сына ее расстроил. В письме Евгения Яковлевна жалуется на неприбранные комнаты, застиранную скатерть и невкусный обед. А вот морская прогулка, которую организовал Александр, ей понравилась: «На пароходе чай пили и раки ели...».

Позже приехал в гости брат Николай. Остановился на квартире у Александра. Но очень скоро загрустил. Общение между братьями свелось к пустым разговорам под водочку. Что до семейной жизни брата, то, по словам Николая: «Александр не так счастлив, как я думал».

Тем же летом Александр с женой и маленькой дочкой побывали в Москве. Антон, заметив перемены в поведении старшего брата, как и все родственники, связал это с бытовой

неустроенностью: «Хозяйка твоя смыслит в хозяйстве столько же, сколько я в добывании гагачьего пуха... Чистое белье, перемешанное с грязным, органические останки на столе, гнусные тряпки, супруга с буферами наружу... - все это погубит девочку в первые же годы». И дал совет: «Пиши, набредешь на истинный путь».

В ноябре 1883 года в Таганрог, во второй раз за год, приехал брат Николай. Приехал для того, чтобы уладить дела, связанные с призывом в армию. Александр, как мог, помогал ему. Ездил даже в Ростовское воинское присутствие, чтобы подавать прошение.

Как старший брат, вызвался помочь другому брату -Ивану. «Если он захочет, я ему могу дать место в таможене рублей на 30-40...» и тут же отговаривает, выдавая собственное настроение: «...но мне самому не хочется затягивать его в наше болото, откуда я сам бежать хочу...».

Ему кажется, что Москва решит все неурядицы. Появится вдохновение, уладятся дела в семье, придет благополучие. В конце 1883 года Александром овладевает мысль -под любым предлогом перевестись в Московскую таможню. После нового года эта мысль стала принимать материальную форму. В письме к Антону он пишет: «Теперь читай серьезно. 4-го января 84-го я подал начальству докладную записку о переводе меня по слабости здоровья отца и родителя моего в Московскую для пользы службы таможню. 10-го января последовало отношение моего начальства к московскому за № 2 (84 г.) и лестное с аттестациями к оному частное обо мне письмо. Резолюции пока не последовало за кратковремением. Может статься, что и перейду в Москву. А что - будут дела божий, тому не нам с тобою ведать».

Беда пришла откуда не ждали. Серьезно заболевает годовалая дочь Маша: «Чадо мое - хуже всякой данной величины». Александр в письме к Антону описывает симптомы болезни дочери и вскоре получает ответ - менингит. Местные врачи успокаивают - мол, ничего страшного, у ребенка режутся зубки. А ребенок тает на глазах. Александр боится, что врачи откажутся лечить, узнав диагноз постороннего врача, и продолжает выполнять их указания. Но правда становится очевидной с каждым днем, В очередном письме к Антону он передает весь трагизм положения: «Таганрог 3 часа ночи 31 января 1884. Брате! Сегодня девятые, должно быть, сутки как весь мир и вся вселенная сосредоточились для меня в маленькой кроватке, на дне которой лежит маленький трупик, стонущий ежесекундно, без перерыва при каждом вдыхании какой то хордочкой в горле. ...Теперь доктора ездят те же в те же утренние часы. Дают ледяные компрессы и бром. Мося тает, гибнет и исчезает по немногу, по капельке. С каждым дыханием улетучивается часть жизни. Агония ужасна, медленна и бесчеловечна».

В метрической книге Успенского собора 1 февраля 1884 года появилась короткая, но страшная запись: «От простуды умирает годовалая дочь Мария «Таганрогской таможни переводчика» Ал. П. Чехова».

Потрясенный смертью дочери Александр не хочет ждать ни дня. Он увольняется со службы, надеясь все утрясти в Москве, и в начале марта вместе с семьей уезжает из Таганрога. В трагический для Чеховых период их поддержали друзья из таможни. Они помогли при организации похорон, поддержали морально и материально. Не случайно по приезду в Москву Александр Чехов в письме выражает слова благодарности своему другу Николаю Степановичу Уманскому и его супруге: «Грех... забывать родных по духу людей. Как бы мы с Вами не сорились и не вздорили в таможне, какие бы глупости там (по глупости моей) я ни отмачивал, все же наши отношения были таковы, что я позволю себя считать Вас человеком, которого я люблю и дружбою которого дорожу. Вы и дорогая Любовь Дмитриевна высказали так много участия к нам в дни для нас горькие, что я считаю себя глубоко Вам обязанным и шлю Вам искреннее спасибо».